

1996 №4

ПРОЗА "ЦИРКА" ОЛИМП

Вот краткая история, которая закончилась давно, а начинается только сейчас.

Два-три времени нужно этому небу и этой голубизне, чтобы слиться воедино и побелеть.

Итак, начало: как мало усилий требует от меня проза и как много другого!

Я то молчу, то не отвечаю, то просто прислоняюсь к пространству. В этом и заключается нечто.

Игра бывает ночной, утренней и вечерней. То же самое и утро: оно бывает ночным, внезапным и Бог знает каким неожиданным.

Короткая записка, где были три столбца чисел, названия выигрышей, проигрышей и долгов. Он положил ее на край стола, поблуднев от прикосновения к собственной неподвижности.

Его отношение к хозяйке было странным. Например, вслух:

- Он этого не мог постигнуть своим колеблемым на свету умом.

Не мог - даже затачивая мысль о шероховатый каменный угол вселенной.

- А какой был день?

- Такой же, какой и не был.

- Простите, ваш ход.

В другой раз он ничего не произнес, а только облокотился, но и этого было достаточно для каменного подоконника. Очертания и цвет неба напоминали о начале и о конце, ибо цвет был почти белый, а очертания - почти сплошные.

Он улыбнулся, вспомнив о числах, и его отражение улыбнулось (вспомнив о чем?) Разговор гостей зашел о Зиглинде.

- Она, кажется, несколько надменна... как и все Габсбурги.

- Внучка Алексея Крученых и Марии-Терезии.

- Зиглинда? Образованнейший человек!

- А я опять ничего не слышу. То есть слышу, но не опять.

- Как она прелестна, эта вечерняя спутница Владимира!

- Какого Владимира и какие вечера вы имели в виду?

- И он, и вечера - нездешние.

- Есть что-то еще более нездешнее, но оно, увы! здесь.

- Ничего не понимаю! А при чем здесь Габсбурги?

- Это старинный игорный род.

- Крестовые походы? Крестовые короли?

- Пошатнуться, ответив, или остаться неподвижным?

- Ах, бросьте! Крыши ближе всех к Богу.

- Вот я и гуляю с Зиглиндой по крышам.

- Замоскворецкий безумец.

- Бедное дитя, что она в нем нашла?

- Говорит, что сквозь его голову ей видны звезды.

- При его долгах в этом нет ничего удивительного.

- При ее любви к звездам.

- Помню, она наклонилась к играющему котенку: и ночь, и ресницы, и улыбка -

все было заслонено наступившим утром.

- Я в этом так и не нахожу ничего габсбургского.

- А голубая, почти звездная кровь?

- Ах, слово "кровь" возвращает меня ко всем временам!

ВЛАДИМИР КАЗАКОВ ЗИГЛИНДА

В. ПРИВАЛОВ. БЕЗ НАЗВАНИЯ, 1995.

Игроки умолкли, чтобы дать паузе пересечься с лучами.

Что-то неожиданное было и оставалось.

Описание прогулки: 1900 шагов, 3 вывески, молчание N 741.

То здесь, то там небо прикасается к воде, мерцают мосты, что-то чугунное слышится во всем - даже в мостах.

Один из игроков и одно из отражений кивнули друг другу. Окна бывают разные, но он никогда не видел разных окон.

Между тем, хозяйка, прочтя записку, взглянула. Она была бледна, сумерки едва касались ее имени, ее темных волос.

Он писал ей: "Милая и дорогая, можете ли вы простить человека, который просит у вас прощения?..."

В конце каждой секунды сверкала ночь. Что-то странное было в этом будущем утре.

- Но что? - спросила она.

Один из гостей ответил:

- Способность умереть от прикосновения к воздуху.

Другой возразил:

- Нет, не возражаю.

Дни, чередуясь с ночами, оставляют в памяти странный след: то едва различимый, то призрачный, то просто дневной. Так и на этот раз: никто ничего не ответил.

Перечень долгов занимал добрую треть листка. Хозяйка подумала: "откуда такая любовь к числам у человека, проводящего дни и ночи без сна?.. Может быть, они заменяют ему сны?"

Один из игроков - тот, чье отражение было голубее других - промолвил:

- Эта белизна не случайна.

Откликнулся другой:

- Самый случайный из цветов - красный.

- Увы! это сон, от которого нельзя отречься.

Четвертый вымолвил:

- К тому же мы здесь не для этого.

Здесь, в этой каменной точке пересекалось многое из того, что

могло и не могло случиться. Например, его вопрос, оставленный без ответа, и его ответ, так и оставленный без всего.

Здесь каждая буква имеет смысл, и каждый смысл прочтен. Количество мгновений быстро менялось - то возрастая, то уменьшаясь.

Сейчас она заговорит, но это шепот, мерцающий язык лучей.

- Что это - дни, побежденные днями?

- Мне всюду чудится ответ.

- Когда-то окна казались мне существами более ночными, чем дневными.

- А теперь?

- А теперь кажутся.

Я здесь. Еще несколько шагов - и я буду там. В этом заключается прелесть прогулок и один из главных законов прозы.

Окна так сверкают, словно рождают это небо в страшных стеклянных муках.

Чугун, охлажденный водой - это мосты.

Я рад повиноваться чему угодно: бульжным мостовым, звездам, темным каменным подворотням. Еще несколько шагов - и я буду там. В этом прелесть повиновения.

Есть только одно имя: З И Г Л И Н Д А.

Жесткие звездные ночи отделяют букву от буквы:

З-з-з-з-з-з-з-з - это Крученых.

И - блестящая неумолимая прямизна крыш...

Г - горло.

Л - это Л.

Н - первая буква в ржавом алфавите ливней.

Д - последняя.

А! - срывается прямизна крыш.

И - ... и рассекает пространство насмерть.

Я люблю холодное - воду, воздух, лучи. Что-то голубое есть в самом ее имени, что-то мерцающее, словно мысль, обращенная к северу.

Ночь застает меня пешим. Я думаю о своих шагах - иду по собственным мыслям. Зиглинда - шаг, Зиглинда - шаг. Все меньше фонарей, все больше звезд в ее имени. Я уже на окраине. Здесь под ногами блестят рельсы, стальные шаги звучат.

Спрашивается: откуда берется столько прямых строк? Теоретическое отступление: ниоткуда.

Сейчас я улыбнусь - ибо больше не могу быть таким серьезным.

Когда я пришел, все были в сборе. От зеркал распространялось безмолвие.

Хозяйка спросила:

- Откуда вы явились с этой улыбкой?

Я сделал неопределенный жест рукой:

- Издалека.

Игроки глазами передали друг другу весть. Я поклонился. Рука у хозяйки была такая же прохладная, как у Зиглинды.

Несколько раз молчание прерывалось взглядами, темнотой.

Странно, но зеркала на вопрос отвечают вопросом. Так обстояло дело и с его бледным напряженным лицом.

- Что творится с молчанием! Особенно по эту сторону стен.

- Ничего не вижу, кроме вашей усмешки.

Это показалось словами, а было другим.

Игроки тоже перешли на шелест и тихий звон.

- А вы не помните, что произошло ровно 173 года назад?

- Помню: все так же усмехнулись.

После паузы:

- Даль, которая здесь, и даль, которая там, переключаются.

- Простите, я не расслышал вопроса.

- Нет, нет, они обмениваются не вопросами.

Гости продолжали, находя самые краткие жесты, сопровождая их шелестом карт.

В этом было что-то от завтрашних железных крыш, которые так холодно и так сурово видны уже нынче.

Хозяйка сказала:

- Что с вами творится все эти последние дни?

- Я стал тверже. Дни - тоже.

Она отошла в сторону молчанья и улыбок.

- Что с ним опять?

- С ним опять его бледность.

Другой игрок задумался на мгновение. Его неподвижность соответствовала той, то другой мысли, то третьей. Наконец, становилось неясно: где ночь, а где звездная, вспоротая железом крыш, тьма? Ибо равно кровоточили.

Но его неподвижности не убывало, скорее наоборот: ее становилось все больше, по мере того, как его руки, обгаренные тишиной, касались то воздуха, то карт, то призрачного пространства.

В ту ночь все казалось ночным, тревожным - даже стук звезд по голубым мерцающим мостовым.

Хозяйка приблизилась на расстояние краткой холодной паузы:

- Кто этот гость?

- Он или призрак, или мой ответ - не ответ.

Закон прозы: слова взрываются, если хотят. Другой закон прозы: даже если и не хотят.

Сейчас у меня болят десны - это сообщение для всех.

Я прихлебываю крепкий кофе, чтобы определить вкус пустоты, в которой нахожусь столь долго.

- Я вспомнил не себя, какая-то ошибка.

- Из всех ошибок не трудно выбрать все.

Тот игрок, окровавленная тишина - вот смелое продолжение строк, которые то со стальным звуком, то со скрежещущим, все подступают и подступают к горлу.

Зеркала хотят отстранить от себя отражения, словно боясь за стекло. Но отражения с хрустом вламываются в зеркальную тишину.

О крови: это не цвет и не красный.

О цвете: это не он.

Хочу сказать, но мысль не горло: нет звука черного вокруг.

Что может быть жестче меня? Ответ: еще более жесткий я.

Но меня трагует голубизна - этот приют будущих и настоящих мгновений.

Наконец, игра подходит к концу. От этого свет окон становится утренним, белым.

- Что с вами? Вы вздрогнули?

- Я? Не далее как позавчера.

Другой сказал:

- Это ответ другого.

Светловолосая гостья шепнула хозяйке:

- Мне странно, не правда ли?

Та, молча отстранив согласные звуки, оставила:

-...е...а...о, е...а...а и?

- Я знала, что я жестока... Как я люблю знать все!

Она прицела на помощь своему поблудневшему отражению. Этот восклицательный знак был странно непохож на все, что его окружало.

Расстояния между временами мерцали, вчерашние очертания вновь казались сегодняшними - из-за завтрашней недостижимой белизны.

- Лучшее в русской поэзии? По-моему, - "Игра в аду".

- Из всех слов, придуманных Алексеем Крученых, мое самое любимое - ХРОШЕЧКА.

Четверо усаживаются за игру. Лица белые, окна черные, сталь голубая. Волосы незнакомой гостьи светлы, воздух вокруг них светел, ночь вокруг них темна.

Публикация Т.П. Авалян